

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ФОРМ ОСМЫСЛЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА «ЭПОХИ СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ»**

В ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII в.

(трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец»)

Впервые в русской художественной литературе исторический сюжет «эпохи смуты» был положен в основу сумароковской трагедии «Димитрий Самозванец» (1774). Эта трагедия выделяется из общего драматического репертуара XVIII в. выбором исторической темы из недавнего прошлого русской истории – XVII в., тогда как большинство трагедий Сумарокова написано на сюжеты древнерусской истории. Присутствие исторического начала в трагедии «Димитрий Самозванец» мотивировано обращением к изучению и исследованию истории самим Сумароковым именно в то время, в которое создавался «Димитрий Самозванец». Сумароков был знаком с историческими трудами своего времени и при написании трагедии «Димитрий Самозванец» интересовался не только летописями, историческими повестями и Синописом, но и читал современную историографию. Об этом мы можем судить по его письмам в 1767 - 1771 гг. Г.-Ф. Миллеру, известному историку, первому написавшему целостный труд, обобщающий материал из всех известных источников об эпохе «смутного времени». Кроме этого, Сумароков в то же время, когда создавалась его трагедия, пробовал себя в качестве историка и писал «Краткую московскую летопись». Все это позволяет нам обратиться к исследованию того, как представлены события «эпохи смутного времени» в летописях и современной историографии, и каково их влияние на художественное осмысление этих событий в трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец».

Историография последней трети XVIII в. активно вошла в жизнь литературы. Кроме того, что во второй половине XVIII в. русскому обществу были знакомы исторические воззрения французских просветителей, в самой России также активно занимались историей и М.В. Ломоносов, одновременно с художественными произведениями писавший на исторические темы, и В.К. Тредиаковский, много лет переводивший многотомное французское сочинение по истории Древнего Рима. К тому же известны исторические работы по отечественной истории Сумарокова, писала «Записки касательно российской истории» императрица Екатерина II, по «мотивам» которых сама же создавала пьесы. Неслучайно

Сумароков при публикации трагедии в начале книги поместил портрет Лжедмитрия, тем самым сделав акцент на историчности его трагедии, на реальности как события, так и исторического лица, моделирующих его трагедию.

При этом многие историки были не только писателями, но и публицистами (напр., Миллер, Щербатов, а также люди, пробовавшие себя на историографическом поприще, такие, как Сумароков, Ломоносов, Екатерина II). Ситуация эта продолжится и в XIX в., когда историограф Н.М. Карамзин выступал и как писатель, и как публицист, М.П. Погодин был в одном лице профессиональным историком, публицистом и писателем, А.С. Пушкин написал «Истории» о Петре I и Пугачеве и издавал «Современник». Эти три сферы реализации творческой мысли того времени взаимопроникали друг в друга. Напр., историография носила часто установки публицистики – назидание и поучение, высказывания своего мнения о нынешней политической ситуации через аллюзионные моменты исторического прошлого. В литературе собственно художественные задачи так же совпадали с целями и методами публицистики: комедии направлены на обличение, высмеивание пороков современности, а трагедии имели цели воспитательного и назидательного характера.

Известный историк В.Н. Татищев в своей «Истории Российской с самых древнейших времен» собрал свод летописных известий о русской истории только до смерти Ивана Грозного. И лишь в неизданных отрывочных материалах описываются события XVII в. В.Н. Татищев первый из российских историков столкнулся с тем, что разные летописи содержат отличные друг от друга сведения. Как заметила Е. Погосян, «Татищев был уверен, что некогда существовал полный и “правильный” летописец, но со временем он подвергался все большей и большей порче в процессе переписки» [Погосян, 1999: 48]. Задачей историка, по мнению В.Н. Татищева, должна была стать реконструкция «идеального» исторического источника на основе уже известных летописей. Таким образом, труд В.Н. Татищева представляет собой масштабную компиляцию различных исторических источников, причем отбор вариантов шел в «соответствии с его представлениями (и часто с его опытом политика, администратора и участника целого ряда военных компаний) о том, каким был ход русской истории» [Погосян, 1999: 48].

Труды В.Н. Татищева впервые опубликовал Г.-Ф. Миллер, но дополнения, которые внес в свою «Историю Российскую» В.Н. Татищев и которые как раз касались Лжедмитрия и Бориса Годунова, скорее всего, были опубликованы значительно позже 1770 г. (времени создания Сумароковым трагедия «Дмитрий Самозванец»). Эти отрывочные материалы использовал в своем труде Г.-Ф. Миллер.

В «Истории Российской» В.Н. Татищева есть глава «Указы Судебнику в дополнение», где приводится небольшой отрывок о Лжедмитрии. В этом отрывке представлена в качестве основной и единственной версия о том, что царевич Дмитрий был убит по приказу Годунова, а Лжедмитрий, «яко вестный всем и знаемый вор чернец, бывший сын боярский по реклу Отрепьев, бежав в Ляхи, назвался царевичем Дмитрием, который, как всем ведомо, по приключению скончался во граде Угличе и погребен тамо» [Татищев, 1998, VII: 370]. Образ Самозванца почти не вырисовывается, сказано лишь, что он был «злохищный лвище», желавший «похитить царство Московское и православную христианскую веру истребить, а ввести проклятую латинскую папешскую веру» [Татищев, 1998, VII: 370].

Миллер распространил это краткое описание событий из эпохи Смуты. В отличие от Татищева, труды которого представляли собой компиляцию различных исторических источников, главным образом, летописей, Миллер шел путем «исторической критики», т.е. он ставил задачу критики источника, отождествляя ее со способностью историка постичь смысл летописного текста. Огромная заслуга в раскрытии и описании событий эпохи «смутного времени» принадлежит именно Миллеру. В своей экспедиции по Сибири (1733-1743) историк собрал и обследовал огромный материал по истории «смутного времени». Миллер выпускал журнал «Ежемесячные сочинения», в котором опубликовал часть своего обширного труда по истории изучаемой им эпохи – «Опыт новейшей истории о России». «Опыт» Миллера имел большое значение для исторической науки, так как это было первой попыткой дать научное, документальное изложение событий. Миллер одновременно выпускал журнал и на русском языке – «Ежемесячные сочинения», в котором опубликовал часть своего «Опыта» (время правления Бориса Годунова).

Интересен в связи с этим и другой момент. Миллер спустя несколько месяцев в «Ежемесячных сочинениях» напечатал другой свой труд по истории – «Краткое известие о начале Новагорода», который также был замечен в Общественных кругах, и с тех пор тема новгородской вольницы стала, как и тема «эпохи смутного времени», занимать видное место в русской литературе XVIII-XIX вв. .

Сумароков, переписываясь с Миллером с 1767 по 1771 г., в своих письмах просил прислать ему исторические журналы («Прошу вас дать мне московские исторические журналы» – июнь 1767 г.; «Прикажите мне списать Ряду, бывшую во время ложного Димитрия» – 21 октября 1767 г.; «Прошу прислать мне последние 4 месяца!» – 12 апреля 1769 г.; «Прошу прислать мне еще один месяц журнала. Найдите для меня что-либо более достойное примечания и чтобы это было из времен царствия Михаила Федоровича. А если это будет еще старее, тем лучше» - 17 апреля, 1769 г.) [Письма русских писателей XVIII века, 1980: 103, 198,

120, 145]. В письме от 12 апреля 1769 г. Сумароков указывает на преимущества историографии перед первоначальными источниками: «ведь в рукописях много бесполезного, очень часты однообразные записи и утомительные повторения».

Правда, остается до конца невыясненным вопрос, о каких журналах ведет речь Сумароков в своих письмах. Известно, что в это время Сумароков пишет свою трагедию о Самозванце, поэтому речь должна была бы вестись об источниках по истории «смутного времени». П.Н. Берков предполагает, что под историческими журналами понимаются, видимо, дворцовые записные книги или поздние «Летописцы» XVII в. К письму же от 12 апреля 1769 г. П.Н. Берков сделал примечание, в котором указывал, что либо имелось в виду издание М.М. Щербатовым «Царственной книги» (1769), т.е. «Летописца» Ивана Грозного, либо речь идет о предполагаемом издании Щербатовым «Журнала, или подденной записки ...» Петра I, либо подразумевается издание «Повседневных дворцовых... Михаила Федоровича и Алексея Михайловича записок» (1769) [Письма русских писателей XVIII века, 1980: 206]. Но до конца остается не выяснено, какими именно историческими журналами интересовался Сумароков, поскольку последние предположения об его интересе к времени Петра I и Михаила Федоровича не совсем соотносятся с его обращением в это же время к «эпохе смутного времени». Возможна такая гипотеза, объясняющая интерес Сумарокова к столь объемным по хронологическим рамкам историческим событиям: писатель уже задумал в это же время и, вероятно, начал работать над своей «Краткой Московской летописью», которая была издана в 1774 г. и охватывала время от Древней Руси до царствования Федора Алексеевича Романова.

Хочется отметить общность установок Сумарокова и Миллера при обращении их к мрачной странице русской истории – «эпохе смутного времени». В предисловии к своему «Опыту» историк мотивирует обращение к этому трагическому периоду русской истории нравственно-дидактическими целями – «для нашего наставления»: «когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки: то рассказывания о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и бесчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравоучении и политике» [Татищев, 1998, VII: 6]. Подобную нравственно-назидательную задачу ставил себе Сумароков, изобразив в Лжедмитрии бесчеловечного тирана и злодея, чтобы показать Самозванца на русском троне как явление безобразного, ужасного, трагедийного ряда.

Поскольку в сумароковской трагедии исторические реалии и указание на факты почти отсутствуют, а исторические события переименованы (кроме народного бунта и гибели Самозванца), то мы сосредоточимся на том, как воссоздан образ Лжедмитрия у Сумарокова и каково влияние историографии на его драму.

Миллер подчинил свое изложение принципу «о всем говорить без пристрастия». Даже Борис Годунов представлен как неоднозначный, противоречивый, но достаточно незаурядный государственный деятель. Характер Годунова у Миллера не столь сложен и трагичен, каким мы увидим его у Карамзина, так как Миллер описывает его внешние поступки, не пытаясь разглядеть внутреннюю драму этого царя. Образ Лжедмитрия представлен у Миллера ярким и также неоднозначным. Самозванец у Миллера лишен того обаяния и завесы «чудесного», которое будет у историков и драматургов XIX в. Но Самозванец не представлен таким уж злодеем, каким мы его видим у Татищева и Щербатова. Самозванец выступает как ставленник польского шляхства и римско-католической церкви. Историк, следуя принципу объективности, стремится представить образ Самозванца диалектично (есть специальная глава в его «Опыте», которая так и называется «Его положительные и отрицательные качества» [Sammlung Russischer Geschichte, 1761: 310]). В качествах *falsche Dimitrius*, перечисляемых Миллером, часто присутствуют такие характеристики, как легкомыслие и безрассудство. Этих характеристик был лишен Самозванец в летописях и историографических трудах Татищева, Щербатова, Сумарокова. Легкомыслие и безрассудство, как важнейшие характеристики Самозванца, которые впервые встречаются у Миллера, сохраняются и перейдут в последующие историографические труды (ср. у Карамзина в «Истории государства Российского»: Лжедмитрий «слушал и решал дела, как уверяют, с необыкновенной легкостью»; «Лжедмитрий действовал, как и прежде: ветрено и безрассудно» [Карамзин, 1892, XI: 114]), и эти его качества станут основополагающими для построения многих художественных образов Самозванца (ср. авантюрного Самозванца у Пушкина, в «Истории в лицах» Погодина). Главной же причиной его гибели, по Миллеру, стало «высокомерное, пренебрежительное отношение к русским обычаям, оскорбившее национальное достоинство русского народа и вызывавшее его гнев, возмущение и желание положить конец надругательствам» [Белковец, 1988: 130].

Сумароковский Самозванец представлен как однозначный злодей. Однако если учесть, что он предстает перед нами уже в последний день своего царствования, когда на его совести было много преступлений и бесчинств, то отмеченные Миллером в «Опыте» такие качества Лжедмитрия, как сладострастие, упрямство, вспыльчивость, безрассудство и высокомерие к русским людям, чьим царем он оказался, приобретают

зловещий характер. Те же качества мы находим у сумароковского героя – сладострастие, выразившееся в желании любым путем жениться на Ксении Шуйской, своенравие и упрямство, которое не позволяло прислушаться к словам его наперсника, вспыльчивость, то и дело проявлявшаяся в его гневных выходках, высокомерие к русским, усилившееся в трагедии до ненависти.

Гораздо больше сходства мы находим в описании и оценке сумароковского Самозванца с образом Лжедмитрия из щербатовской «Краткой повести о бывших в России самозванцах» и его «Истории Российской от древнейших времен». Щербатов был в хороших отношениях с Миллером и с Сумароковым. Правда, по отношению к историографическим трудам Щербатова и сумароковской трагедии приходится говорить о совпадении интерпретации исторического образа, а не о прямом влиянии, поскольку 7 т. «Истории Российской» вышел в 1790-м г., а «Краткая повесть» издана была в 1774 г. Однако важен тот факт, что Щербатов интересовался исторической фигурой Лжедмитрия и раньше, поскольку в 1771 г. вышла подготовленная им «Летопись о многих мятежах». Причем после этой «Летописи о многих мятежах» и одновременно с «Краткой повестью» Щербатова в 1774 г. была издана «Краткая московская летопись» Сумарокова, в которой несколько страниц посвящено и эпохе Смуты. Это дает основания предполагать, что Сумароков и князь Щербатов в конце 1760 – начале 1770 гг. могли быть знакомы с одними и теми же историческими материалами, что могло осуществиться благодаря их личным контактам.

Щербатов считал себя учеником и последователем Миллера. Однако он оказывается более зависим от предшествующей летописной традиции, чем Миллер. Как в «Краткой повести», так и в «Истории Российской» образ Лжедмитрия лишен попытки исторического анализа, дано одно описание «злойдейного жития» «окаянного» Расстриги, творившего казни и пытки и «многия беды делавшего». Можно предположить, что самим Щербатовым, который читал Миллера и видел критический метод анализа исторических лиц, Лжедмитрий воспринимался таким, каким он обрисован в летописях, исторических повестях и сказаниях – как «жестокосердный», «треклятый» еретик. Щербатов в своей историографии развил этот летописный образ, психологизировав его.

У Миллера изображен более объективный исторический образ, чем у Щербатова, но дело в том, что Миллер имел установку создать научный труд, поэтому стремился к объективности изложения. Щербатов же не имел специальной исторической подготовки, поэтому кроме летописной традиции, которой во многом он придерживается и от которой еще не оторвалась русская историография, на его исторические труды оказала влияние его же литературно-публицистическая деятельность,

отразившаяся в субъективном и экспрессивно-оценочном стиле. Кроме этого, Миллер был немцем и, возможно, эта трагическая страница русской истории им так не переживалась, как русскими людьми.

У историков и писателей XVIII в. образ Лжедмитрия еще сильно зависит от сохранившегося в культурной памяти русских людей религиозного отношения к самозванцам. Совпадение в восприятии Лжедмитрия у драматурга и у историка, возможно, объясняется и тем, что оно является выражением общего отношения русского человека XVIII в. к самозванцам, которое наиболее полно дошло до нас в летописях, а также в исторических повестях и сказаниях. Б.А. Успенский в своей известной работе «Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен», рассматривая религиозный аспект самозванства как явление русской культуры, объясняет сакральное отношение русского человека к царю, которому приписывались божественная природа и представление о власти, передававшейся только наследственным путем. В таких условиях факт называния себя царем имел несомненно религиозный аспект, так или иначе обозначая претензию на сакральные свойства: если «истинные цари получают власть от Бога, то ложные цари получают ее от дьявола» [Успенский, 1994, I: 79].

В XIX в. изменится интерпретация этого образа, который станет более психологизированным и в некоторых произведениях даже привлекательным (ср. с «милым авантюристом» в «Борисе Годунове» Пушкина, с Лжедмитрием в «Дмитрии Самозванце» Хомякова и др.), что в немалой степени окажется связанным с влиянием эстетики романтизма.

Можно согласиться с теми исследователями, которые отмечают в качестве важного источника трагедии Сумарокова летописи и исторические повести («Повести, како восхитити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...» 1606 г. [Моисеева, 1980: 172-173]). Примерно в то же время, когда писалась трагедия, драматург пробует себя в жанре летописи. Как представляется, летопись могла привлечь Сумарокова не только в качестве источника исторических фактов, которые более точные и в большем количестве присутствовали в историографии Миллера. Летописное повествование, имевшее художественную природу, в отличие от научного характера историографического труда Миллера, вероятно, имело и большую художественно-эстетическую притягательность, которая могла воздействовать на художественное сознание драматурга. Вспомним, что и Пушкин, признавая влияние карамзинской историографии на трактовку им многих событий и образов при написании своего «Бориса Годунова», все же создал в ней образ летописца Пимена, воспроизведя стиль летописи при пересказе убийства царевича. Кроме этого, летопись передает нравственно-религиозный смысл истории, облик эпохи и государства, что также было важно для Сумарокова (это будет важно и для «последнего летописца» Карамзина, в

«Истории» которого роль Провидения является определяющей). Поэтому Сумароков обозначил и свой историографический труд «Краткая московская летопись» жанром «летопись», а не «история» (так, напр., определение «истории» мы находим в его «Краткой истории Петра Великого», а «Первый и главный Стрелецкий бунт» оставлен вообще без жанрового подзаголовка).

Таким образом, учитывая возможность обращения Сумарокова к историографии при написании им «Дмитрия Самозванца», которая могла подсказать ряд фактов и деталей, нашедших художественное воплощение в трагедии, кажется очевидным явное влияние летописной традиции на художественную мысль драматурга, которое объясняет интерес писателя не к точным, выверенным историками историческим фактам, а к тем обстоятельствам и той интерпретации исторических событий и образов, которые подчинялись моралистической задаче – «для наставления».

Поэтика трагедии Сумарокова, написанной на сюжет из русской истории, представляет собою необходимое переходное звено от летописной моралистико-дидактической традиции к литературному художественному историзму. Не воссоздавая исторической атмосферы эпохи и исторического бытийно-бытового колорита, Сумароков, тем не менее, придерживался исторической достоверности характера, конструируя под классицистическую категорию «страсти» (которая в его интерпретации соответствует зафиксированным в историографии чертам характера его героя) наиболее выразительные вымышленные обстоятельства, позволяющие продемонстрировать нравственно-политический урок в разрывании этого достоверного характера. Тип сумароковского историзма наиболее точно может быть определен термином «характерологический».

Формировавшаяся в XVIII в. русская историография впервые обратилась к историческим событиям «эпохи смуты» с попыткой критического анализа исторических событий. Однако историографическая мысль еще не оторвалась от предшествующей летописной традиции, которая видна не только в обращении к самому жанру летописи большинства историков и писателей, но и в летописном стиле описания и нравственно-религиозном осмыслении исторических событий «эпохи смуты» в историографических трудах Татищева, Щербатова, Сумарокова. Наиболее научным характером отличается труд историка Миллера, который первый в русской историографии использовал метод «исторической критики» источника. На научно-художественный стиль историков влияла их литературная и публицистическая деятельность. Надо отметить, что созданные в XVIII в. исторические труды историков, имевшие большое научное значение, не имели такого огромного общественного и литературно-эстетического значения, как последующий

карамзинский труд «История государства Российского», обогативший русскую литературу нескончаемой цепью сюжетов и характеров.

Библиографический список

1. Белковец, Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Брюшинин / Л.П. Белковец. – Томск: ТГУ, 1988. – 284 с.
2. Карамзин, Н.М. История государства Российского.: в 12 т./ Н.М. Карамзин. – СПб., 1892. – Т.11. – 156 с.
3. Моисеева, Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в./ Г.Н. Моисеева. – Л.: Наука, 1980. – 261 с.
4. Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – 472 с.
5. Погосян, Е. Восторг историка (Ломоносов в полемике с Миллером) / Е.Погосян // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III. К 40-летию «Тартуских изданий». – Тарту, 1999. – С. 47-53.
6. Татищев, В.Н. История Российская: В 7 т./ В.Н. Татищев. – Л.: АН СССР, 1968. – Т.7. – 482 с.
7. Успенский, Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен / Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды: в 2 т. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – Т.1. – 432 с.
8. Sammlung Russischer Geschichte. St., 1761. – Bd. 5. – 573 s.